

Витторио Альфиери

**Жизнь Витторио Альфиери из
Асти, рассказанная им самим**

Москва
Книга по Требованию

УДК 304
ББК 60.5

Витторио Альфиери

Жизнь Витторио Альфиери из Асти, рассказанная им самим / Витторио Альфиери – М.: Книга по Требованию, 2011. – 372 с.

ISBN 978-5-4241-5457-7

ISBN 978-5-4241-5457-7

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

шого состоянія. Гордый и строптивый отъ природы, съ дѣтства не умѣвшій никому подчиняться, не переносившій надъ собою ни чужой власти, ни чужого превосходства, своевольный и упрямый, онъ отличается пылкимъ, хотя и замкнутымъ въ себѣ, нравомъ, склоннымъ ко всякимъ крайностямъ. Получивши лучшее для своего времени образование, онъ въ послѣдствіи утверждаетъ, что не вынесъ изъ школы никакихъ знаній и очень скоро позабылъ всю латынь и всѣхъ классиковъ, которыхъ онъ вызубривалъ только изъ-за отличій и наградъ. Въ 15 лѣтъ имъ овладѣваетъ страсть къ перемѣнѣ мѣстъ. Сперва онъ объѣзжаетъ всю Италію, затѣмъ въ двукратное путешествіе всѣ европейскія государства. Изъ этихъ странствованій онъ, по его признанію, вынесъ очень мало. Но тѣ картины природы, которыя волнуютъ его поэтическое чувство, а главное тѣ люди, которыхъ онъ узнаетъ въ придворныхъ сферахъ разныхъ странъ,—все это будитъ его критическую мысль, изощряетъ умъ, склонный по природѣ къ отрицанію и сатирѣ. Въ 20 лѣтъ онъ накупаетъ себѣ французскихъ книгъ, читаетъ Монтескье, Вольтера, Руссо, посѣщаетъ французскіе театры, гдѣ трагедіи Вольтера проводятъ въ публику модныя идеи; независимо отъ школьной учебы впитываетъ онъ въ себя всѣ вѣянія новой мысли; увлекается и Монтенемъ. Пестрая энциклопедичность этого скептика 16 вѣка, игра его мысли, пробужденной знакомствомъ съ классическимъ міромъ, расширяетъ горизонты Альфіери, одинокаго, скучающаго странника по Европѣ. Онъ много и самостоятельно думаетъ надъ этимъ чтеніемъ и когда послѣ пяти-лѣтняго странствованія онъ возвращается на родину двадцатитрехъ лѣтнимъ независимымъ человѣкомъ, мысль его созрѣла, убѣжденія опредѣлились. Преклоненіе передъ благосостояніемъ и передъ политическимъ устройствомъ Англіи, ненависть ко всякой солдатчинѣ, особенно къ милитаризму Пруссіи, презрѣніе къ варварству вѣка Екатерины II въ Россіи, недовѣріе къ легкомысленной, болтливой, салонно-философствующей Франціи и вражда самая не-

примиримая къ тому духу произвола съ одной стороны, а съ другой — лести, подобострастія и низкопоклонства, которыя, по его словамъ, изо всѣхъ дворовъ Европы дѣлаютъ одну лакейскую, — вотъ что выносить онъ изъ своихъ путешествій. Въ силу такихъ чувствъ онъ на родинѣ, хотя числится въ полку сардинскаго короля, но не несетъ фактически никакой службы; отказывается и отъ дипломатической карьеры. Чѣмъ же наполнить онъ свое существованіе? Какое положительное содержаніе внесетъ отрицатель въ жизнь? Онъ ищетъ его. И это-то исканіе, исканіе своего я и своего таланта, а затѣмъ самоутвержденіе этого я творчествомъ и всею жизнью, характерны не только для Италіи 18 вѣка, но для человѣка вообще и, быть можетъ, для нашего времени въ особенности.

Эту общечеловѣческую сторону своей души, хотя и одѣтую моднымъ нарядомъ иного вѣка, Альфіери вы-
явилъ въ своей автобіографіи. „Жизнь Витторіо Альфіери изъ Асти, написанная имъ самимъ“, такъ по старомодному красиво написанная, — кругло, ярко и цѣльно, — является однимъ изъ крупныхъ „человѣческихъ документовъ“, которые когда-либо даны были писателемъ о самомъ себѣ; она раскрываетъ намъ, при всей своей кажущейся простотѣ и прямолинейности, сложность и загадочность, присутствующую душѣ всякаго даровитаго человѣка, углубляющагося въ самонаблюденіе. И это самонаблюденіе дѣлаетъ для насъ Альфіери не только интереснымъ психологическимъ явленіемъ, но и родоначальникомъ новаго типа людей.

Истый сынъ своей эпохи и своей страны, Альфіери,— предтеча того индивидуализма, который такъ пышно расцвѣтаетъ во всѣхъ великихъ твореніяхъ на рубежѣ 18—19 в.в., индивидуализма, который завершается творчествомъ и жизнью Байрона и, какъ особая душевная болѣзнь, вѣдряется въ европейскую мысль многихъ послѣдующихъ поколѣній, вплоть до нашихъ дней. „Міровая скорбь“ находитъ въ Альфіери первую свою жертву. „Духъ отрицанья и сомнѣнья“, тоска и недовольство собою, внутреннее безпокойство и полная неудовлетворенность жизнью и всѣмъ міромъ,—долго угнетаютъ его. Противъ этой болѣзни у поколѣнія Альфіери есть средство, которое утрачено послѣдующими, пережившими великую французскую революцію. Это поколѣніе еще страстно вѣруетъ въ начала Разума и Свободы, провозглашенныя новыми мыслителями. И когда Альфіери начнетъ проводить эти начала въ жизнь и въ литературу, работая ради собственной славы на пользу всего человѣчества, тогда уныніе и скорбь уступятъ мѣсто бодрости и радости. Такой кризисъ пережилъ Альфіери и съ мелкими подробностями рассказалъ его въ своей „Жизни“. Онъ могъ бы пережить и второй кризисъ: утратить вѣру въ Разумъ и Свободу. Основаніе для этого у него было: не говоря уже о томъ, что онъ потерялъ въ французскихъ бумагахъ значительную часть своего состоянія, онъ видѣлъ въ Парижѣ первые кровавые ужасы революціи; и даже, если бы не удалось во время переѣхать границу, онъ самъ бы попалъ на эшафотъ съ другими аристократами. Изъ этого жестокаго опыта онъ не вынесъ ничего, кромѣ ненависти къ французской націи. Переворота въ мысли, новаго перелома душевной жизни отъ кровавыхъ дней Парижа онъ не испыталъ. Жизнь его и послѣ

этого продолжала течь все по тому же, въ 25-лѣтнемъ возрастѣ проложенному, руслу. Другіе люди, пережившіе разочарованіе великой революціей и поколебленные ею и въ своемъ безвѣрїи „вѣка Просвѣщенія“ и въ своей вѣрѣ въ Разумъ и Права человѣка, люди иной расы и иного душевнаго склада,—навсегда остались съ болью сердца, которой дано было, со всѣми ея разновидными и сложными проявленіями, общее названіе міровой скорби. Но человѣкъ латинской расы, хотя и воспитавшійся на Монтескье и Вольтерѣ, Альфіери, благодаря преемственности классическихъ традицій—римскихъ и итальянскихъ—не испыталъ этой душевной раздвоенности и остался вѣренъ своимъ молодымъ идеаламъ.

Идеалы эти вполне согласуются съ аристократизмомъ и происхожденія и духовной природы его. Это—прежде всего гордость, несомѣстимая съ зависимостью отъ кого-бы то ни было. Затѣмъ—любовь къ славѣ. Слава—похвала людей за какія-либо дѣянія. Языческій культъ славы,—столь противоположный христіанской добродѣтели смиренія,—съ особой силой проявился въ эпоху Возрожденія, когда похвала воздавалась всякому яркому проявленію личности независимо отъ его нравственнаго характера. 18-й вѣкъ, отрицая всю основу христіанской морали и выдвигая на мѣсто ея культъ человѣчества, возстановилъ и значеніе славы людской, пріобрѣтаемой за полезныя для всего человѣчества дѣянія. Слава—это и есть основа всѣхъ мечтаній и пока еще мало осознанныхъ желаній гр. Альфіери, когда, возвратившись изъ заграничнаго путешествія 24-лѣтнимъ богатымъ, свободнымъ молодымъ человѣкомъ, онъ основывается въ Туринѣ. Прославиться полезной дѣятельностью—вотъ что становится скрытою и ему самому еще не совсѣмъ ясною цѣлью существованія; или, какъ онъ говоритъ, начиная четвертую часть своего жизнеописанія, найти „полезный и похвальный исходъ кипѣнію моего пылкаго, нетерпимаго и высокоумнаго нрава“. Долго не находитъ онъ этого исхода. Долго мучится онъ скукою своей жизни моднаго франта. Онъ отмѣчаетъ.

въ дневникахъ лѣнь, апатію, праздность, любовь къ пустякамъ. Не сразу открываетъ онъ и свое литературное призваніе. Помѣхою тому служатъ и соблазны тщеславія, щегольство, увлеченіе нарядами, страсть къ лошадямъ и другія прихоти обеспеченнаго, ничѣмъ не занятаго чело-вѣка. Впрочемъ, это же тщеславіе даетъ и первый толчекъ къ литературѣ. Успѣхъ его остроумія, блескъ, язвительность и проницательность его ума въ кружкѣ сверстниковъ, съ которыми онъ учреждаетъ шутовскую пародію засѣданій масонской ложи съ чтеніемъ докладовъ, выборами и т. д., успѣхъ заставляеть его обратить вниманіе на свое дарованіе.

Другое, болѣе серьезное, чѣмъ внѣшнее тщеславіе, препятствіе къ существованію сообразному съ его высшими побужденіями,—недостатокъ внутренней свободы. Съ юныхъ лѣтъ такъ дорожившій своею независимостью, Альфіери часто бывалъ рабомъ своей страсти къ женщинѣ. Онъ уже три раза пережилъ безумную, несчастную страсть, надолго, несмотря на перемѣну мѣста, окрасившую въ мрачный цвѣтъ всю его внутреннюю жизнь. Чувство зависимости отъ женщины, которую онъ не могъ ни уважать, ни даже любить настоящею сердечною любовью, не мирилось ни съ суровой природою его нрава, ни съ гражданской доблестью, которая жила въ его мечтѣ. Этотъ свой „плѣнь страстей“ онъ очень откровенно и краснорѣчиво излагаетъ въ „Жизни“, также, какъ и курьезный способъ борьбы съ своею послѣдней недостойной его любовью. Онъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы и порвалъ цѣпи, которыя казались унижительными для него, какъ для чело-вѣка новыхъ взглядовъ, для большинства же въ то время были явленіемъ вполне естественнымъ, освященнымъ всѣмъ бытомъ свѣтскаго общества. Между тѣми средствами, которыми онъ спасался отъ дикой своей страсти, былъ и усидчивый умственный трудъ. Въ немъ-то онъ и нашель, наконецъ, свое призваніе. Онъ зналъ, что силу своихъ чувствованій онъ могъ излить въ одномъ только родѣ литературы—въ трагедіи и онъ поставилъ

VIII

себѣ цѣлью стать трагическимъ поэтомъ. Обстоятельно, шагъ за шагомъ рассказываетъ онъ, съ какимъ упрямствомъ онъ добивался нужнаго ему знанія и умѣнья и какія трудности преодолѣвалъ. Напомню одно: онъ долженъ былъ выучиться языку, на которомъ онъ хотѣлъ писать стихи. Онъ говорилъ, читалъ, писалъ—дневники и письма—по французски; итальянскій языкъ классиковъ еле понималъ—въ ежедневномъ обиходѣ былъ пьемонтскій жаргонъ. Ему нужно было „расфранцузиться“, по его выраженію, и „отосканиваться“ (изучить тосканское нарѣчіе, которое было языкомъ классиковъ). И вотъ, войдя уже во вкусъ творчества, создавъ первый свой опытъ трагедіи, „Клеопатру“, засаживается онъ съ азартомъ школяра-педанта за ученье, весь всецѣло отдается этой новой страсти и находитъ тутъ вмѣстѣ съ глубокимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ и дружбу и любовь.

Дружба на почвѣ одинаковыхъ вкусовъ и убѣжденій съ Франческо Гори Ганделлини, человѣкомъ литературно-образованнымъ, который становится судьей и цѣнителемъ его произведеній, длится всю жизнь. Вытекла дружба изъ общей имъ потребности—„облегчить сердце, переполненное одинаковыми страстями“. Гори подарилъ своему другу Макіавелли. Только что изучивъ съ восторгомъ Тита-Ливія, Альфіери, читая Макіавелли, самъ съ дѣтства проникнутый ненавистью ко всякому угнетенію и притѣсненію, такъ воспламенился, что сразу написалъ двѣ части своего трактата о „Тиранніи“, который напечатанъ былъ много лѣтъ спустя. „Пламя молодости и благороднаго справедливаго негодованія“—вотъ что больше всего связывало молодыхъ людей. Такъ и у насъ, 40 лѣтъ почти спустя, Пушкинъ писалъ Чаадаеву: „И на обломкахъ самовластья напишемъ наши имена“. А еще однимъ поколѣніемъ позже Герценъ съ Огаревымъ заключили союзъ молодой дружбы во имя тѣхъ же высокихъ идеаловъ. Не находя поддержки въ общественной жизни, молодежь стремится къ возвышеннымъ цѣлямъ, укрѣпляя ихъ въ себѣ союзомъ родственныхъ индивидуальностей.

Какъ дружба съ Гори непохожа была на тотъ товарищескій кружокъ въ Туринѣ, который ради пустой забавы Альфіери собралъ около себя, такъ и его новая любовь—союзъ, заключенный также на всю жизнь—непохожа была ни на прежнія его увлеченія, ни на тѣ чувства, которыя преобладали въ тогдашнемъ обществѣ. Новая страсть Альфіери къ графинѣ Альбани не только не служитъ препятствіемъ къ дѣламъ его жизни, а, напротивъ, принимаетъ форму отношеній, которыя ему представляются наиболѣе соответствующими высокому назначенію поэта. Поставивъ себѣ задачей стать поэтомъ—подражателемъ древнихъ—и глубоко вдавшись въ изученіе итальянскихъ классиковъ, Данта, Петрарки, Аріосто и др., Альфіери старается и своей любовной связи придать характеръ, заимствованный изъ образцовъ старой итальянской поэзіи. Его дама сердца, его „Госпожа“ (Signora), вдохновительница его поэзіи это—подобіе Беатрисы и Лауры. Онъ превозноситъ свою любовь, гордится ею, всю жизнь казалось бы кладетъ къ ногамъ своей музы; а въ дѣйствительности, связь эта часто ставитъ его въ противорѣчіе съ тѣмъ идеаломъ доблестной свободы и независимости, который онъ стремится воплотить жизнью и поэзіею. О нѣкоторыхъ изъ этихъ противорѣчій, какъ, напр., объ аудіенціи у папы, онъ покаянно говоритъ въ своей „Жизни“; другія, болѣе постыдныя, совсѣмъ обходитъ молчаніемъ: они нарушили бы ту цѣльность, которую онъ хотѣлъ придать своей жизни, ту строгость яснаго опредѣленнаго идеала, по которому этотъ свободный умъ строилъ свое существованіе. Но живая жизнь не укладывается въ тѣсныя рамки шаблоновъ и подражательныхъ идеаловъ, въ какія ихъ пытается вогнать умъ и воля человѣка. Потому романъ Альфіери съ гр. Альбани не только очень яркая страница давно исчезнувшаго быта, но имѣетъ и свой психологическій, и нравственный интересъ.

Кто же была эта муза нашего поэта? По рожденію своему она принадлежала къ тому дворянству Священной Римской Имперіи, которое по рангу не уступало короно-

ваннымъ особамъ; и изъ него потому выбирались невѣсты для наслѣдниковъ разныхъ европейскихъ престоловъ. Богато одаренная отъ природы, гр. Луиза Стольбергъ получила соотвѣтствующее своему аристократизму французски-космополитическое воспитаніе: она владѣла четырьмя языками, была хорошая музыкантша, имѣла вкусъ къ изящнымъ искусствамъ. Впослѣдствіи она была начитана въ философіи, водила знакомство и обширную, собранную и напечатанную теперь, переписку съ выдающимися людьми Европы, держала и во Флоренціи и въ Парижѣ блестящій салонъ. На 20 году она была выдана замужъ за гр. Альбани, послѣдняго изъ Стюартовъ, претендента на англійскій престолъ, занятый тогда Ганноверской династіей. Карлъ-Эдуардъ, сынъ Якова II, женился на ней, будучи уже 50 лѣтъ; женился по указанію Версальскаго двора, чтобы имѣть законнаго наслѣдника своихъ династическихъ притязаній. Французскому правительству эти притязанія нужны были какъ постоянная угроза англійскому правительству; оно потому и субсидировало претендентовъ. Смолоду Карлъ-Эдуардъ, по матери изъ польскаго рода Собѣскихъ, своимъ рыцарскимъ благородствомъ плѣнилъ сердца своихъ приверженцевъ въ Шотландіи и легенда окружила поэтическимъ ореоломъ его неудачную попытку овладѣть Великобританскимъ престоломъ. Но пораженіе, которое онъ потерпѣлъ, и бездѣятельная жизнь на средства, которыя ему выдавались иностранцами, уничтожили слѣды всякаго рыцарства и романтики. Ко времени своей женитьбы онъ уже опустился, одряхлѣлъ, началъ пьянствовать. Бракъ съ миленькой, веселой, интеллигентной дѣвушкой нѣсколько оживилъ его, — но прошло года два и она почувствовала себя одинокой и несчастной: мужъ былъ скученъ, всегда пьянъ, грубъ, самъ ничѣмъ не интересовался и ее ни на шагъ отъ себя не отпускалъ — отчасти изъ животной ревности, отчасти изъ династическихъ соображеній: на рожденіе наслѣдника, если бы онъ появился, не должно было падать и тѣни сомнѣнія. Но и наслѣдникъ не являлся, и шансы на пре-

столь давно уже становились все болѣе и болѣе гада-
 тельными. Супруги жили во Флоренціи на виду у всего
 общества и печальное существованіе молодой женщины
 всѣмъ было хорошо извѣстно. Въ это-то время она и
 встрѣтилась съ гр. Альфіери, который пріѣзжалъ во Фло-
 ренцію изучать на мѣстѣ тосканское нарѣчіе. Высокій,
 стройный, бѣлолицый, съ густою косою рыжихъ волосъ,
 въ красивомъ сардинскомъ мундирѣ, который онъ но-
 сить только изъ щегольства, 27-лѣтній красавецъ, сдер-
 жанный, серьезный, съ строгими чертами лица, съ высо-
 кимъ лбомъ и умными глазами, Альфіери сразу плѣнился
 молодой женщиной, свѣтски обходительной и оживленной
 умственными интересами. Взаимность была неминуема и,
 по мѣрѣ того, какъ молодые люди сближались подъ над-
 зоромъ ревниваго старика, тотъ все болѣе входилъ въ
 роль жестокаго угнетателя добродѣтельной своей жертвы
 и тѣмъ все болѣе воспламенялъ и любовь, и негодованіе
 ея высоконастроеннаго поклонника. А добродѣтелью жена
 графа Альбани — эту фамилію носилъ заграницей
 Карль-Эдуардъ, титуловавшій себя королемъ Англии и
 Франціи—выдѣлялась не меньше, чѣмъ образованіемъ. И
 то и другое было тогда чуждо итальянской женщинѣ. Вспом-
 нимъ, что это было время крайней распущенности нравовъ
 въ Италіи. Тогда всякая свѣтская молодая женщина въ
 теченіе двухъ первыхъ годовъ замужества обзаводилась
 поклонникомъ, чичисбео, т. е. оффиціально состоявшемъ
 при ней любовникомъ, который сидѣлъ въ ея уборной,
 когда она кончала туалетъ, сопровождалъ ее по визи-
 тамъ, въ театрахъ, на балахъ и фактически въ свѣтскихъ
 обязанностяхъ замѣнялъ законнаго мужа; а тотъ такимъ
 же образомъ занятъ былъ около жены другого. Наруше-
 ніе супружеской вѣрности возводилось чичисбеизмомъ въ
 цѣлую общепризнанную организацію, гдѣ давалась воля
 всякимъ капризамъ чувства и чувственной прихоти. Жен-
 щина не вредила своей репутаціи, если при одномъ *cavaliere*
servente за ней ухаживала цѣлая вереница поклонниковъ,
 начиная съ кардиналовъ Святой Католической Церкви

и кончая пѣвцами исполнявшими женскія роли въ тогдашней оперѣ. Естественно, что при такихъ нравахъ ревность могла быть терпима между любовниками, но немислима была между супругами. И потому въ глазахъ того высшаго общества, къ которому принадлежалъ гр. Альбани, ревность мужа съ его нескрываемою грубостью возбуждала справедливое негодованіе, добродѣтель жены— полное недоумѣніе, а роль гр. Альфіери—общее одобреніе. Но Альфіери былъ чичисбео по неволѣ и самъ понималъ свою роль гораздо возвышеннѣе, чѣмъ свѣтское общество; да и обоихъ супруговъ положеніе претендента и иностранное происхожденіе ставило выше окружающей среды; а графиню Альбани, кромѣ того, личныя начества ума и нрава озаряли совершенно исключительнымъ ореоломъ. Перипетіи этой любви, которая долгое время должна была оставаться платонической, подробно разсказаны въ «Жизни». Отмѣтимъ въ нихъ одно: когда, по происшествіи семи лѣтъ, графиня Альбани получила, наконецъ, полную свободу и любовники очутились подъ одной кровлей, ихъ союзъ не завершился бракомъ. Въ письмахъ граф. Альбани того времени есть намеки на то, что о супружествѣ съ потомъ и о возможности имѣть отъ него дѣтей она тогда помышляла. Но бракъ и семья не входили въ тотъ заранѣе установленный планъ жизни поэта, гражданина и патріота, по которому Альфіери строилъ свою жизнь. Къ тому же и денежныя его дѣла не позволяли мечтать о роли отца семейства: изъ любви къ свободѣ мысли и творчества онъ отказался отъ своего состоянія въ пользу сестры и довольствовался рентою, получаемою отъ этой сестры. Рента была хотя и значительная, но хватала только на одинокое существованіе. И у самой гр. Альбани были соображенія тоже денежныя, препятствовавшія браку. Какъ разведенная жена, а потомъ и какъ вдова претендента, она продолжала пользоваться субсидією, которая уплачивалась послѣднему изъ Стюартовъ и которая съ новымъ ея замужествомъ должна была прекратиться. Зависимость музы-вдохновитель-